

Дом на Набережной

Раньше перед их домом протекала речка Иванцевка, проток Томи («А красота-то какая открывалась взору!»). Сегодня этой панорамы перед домом нет. Вместо реки — высокая насыпь с проложенной на ней железной дорогой. И днем, и ночью стучат здесь колеса электропоездов. Но название улицы и поныне — Набережная. И стоит на Набережной удивительный дом. Редкий прохожий не обратит на него внимание...

О том, что Вениамин Иванович Кишко живет именно в этом доме, гадать не приходилось. Фасад дома украшен изящной металлической кружевной вязью. Конечно же, в доме живет тот самый металлических дел мастер, на чьи работы, выставившиеся недавно в Новокузнецком музее советского изобразительного искусства, учителя водили специально полюбоваться детей. Выставка закончилась, и экспонаты вновь переехали под крышу дома В. И. Кишко.

Заглянем в этот просторный, с гостеприимными хозяевами дом.

У крыльца нас встречает собака, мирно уживающаяся с кошкой («Не бойтесь, собака у нас — что игрушечная»). Альфа, действительно, очень мирного нрава. Ее по старости лет выгнали на улицу бывшие хозяева, а Вениамин Иванович по доброте душевной приютил животное.

Под потолком в зале висит уникальной работы люстра. Сделана она Вениамином Ивановичем из металлических кружев и роз. Цветами из металла украшена и гардина с движущимися шторами. Сделана она также рукою мастера. Чеканка, интересной формы подсвечники, орнамент из металла — все это работы Вениамина Ивановича Кишко, в прошлом газосварщика 12-й больницы, а ныне пенсионера.

— Что-нибудь выдумывать, творить — это у меня с детства, — говорит Вениамин Иванович, небольшого роста, худощавый, очень подвижный человек с окладистой седой бородой. Святая святых в его доме — мастерская со множеством различных инструментов. — Инструменты я люблю сильно, потому и тянет постоянно что-нибудь создавать, — продолжает хозяин дома свой рассказ. — В детстве игрушки сам себе делал из дерева и глины. Рисованием увлекался. Даже альбом с рисунками, сделанными цветными карандашами, сохранился. По некоторым из них я потом чеканку делал. Мечтаю по ним и миниатюрный пейзаж из камней сделать. Из цветов в металле особенно люблю розы изображать. Для меня этот цветок — символ памяти.

В этом году Вениамин Иванович впервые выставил свои работы. Было что посмотреть посетителям музея! А обратиться к этому старинному ремеслу — объемной чеканке — он решил сразу же, уйдя на пенсию. Сидеть без дела он не мог.

— Первую свою премию мне удалось получить в шесть лет. Как сейчас помню, это были тетрадь для рисования и карандаш. Дело было в детском саду. Но вскоре отца, врача по специальности, путевого был мужик, умница, репрессировали, и нашу семью причислили к «врагам народа». Так с детских лет я понял, почем фунт лиха. Способности у меня были, и немалые, мне с детства пророчили: быть художником.

Но учиться не довелось. А в годы войны вообще пришлось с художеством расстаться, надо было работать, и я пошел в ученики токаря...

Мастерского человека заметили на работе, к нему стали поступать некоторые заказы: так им сделаны узорчатая вешалка в горкоме профсоюза медицинских работников, узорчатый металлический барьер на швейной фабрике в городе Осиники, лестничная клетка с узором в пять этажей в больнице, где он работал. («...Я себе тем самым памятник воздвиг, всю жизнь меня будут помнить»).

Он любит оставлять о себе память, а потому очень много своих работ раздаривает. Как все русские мастера, он считает, что человек должен оставить после себя «добрый след»: в душах своих детей и внуков, в знакомых и незнакомых людях. А потому любимое место работы у него — мастерская. Здесь он что-то вычерчивает на металле, вырубает зубильцем, надрезает, вырезает, затем полирует. Особым химическим составом чернит металл. И «расцветают» в его руках цветы с металлическими лепестками, и выходят тончайшие узоры. Удивляешься усидчивости Вениамина Ивановича, кропотливости его работы — это с его-то подвижной, непоседливой натурой!

— Вспокойно? — спрашиваю у Ии Ивановны, жены мастера.

— Да нет, привыкли уже, — говорит она смиренно. — Но порядка в этом доме никогда не будет: всюду железо, дерево! А в мастерской и убираться не моги, тут, брат ты мой, ничего не трогай, здесь все у него по своему замыслу разложено.

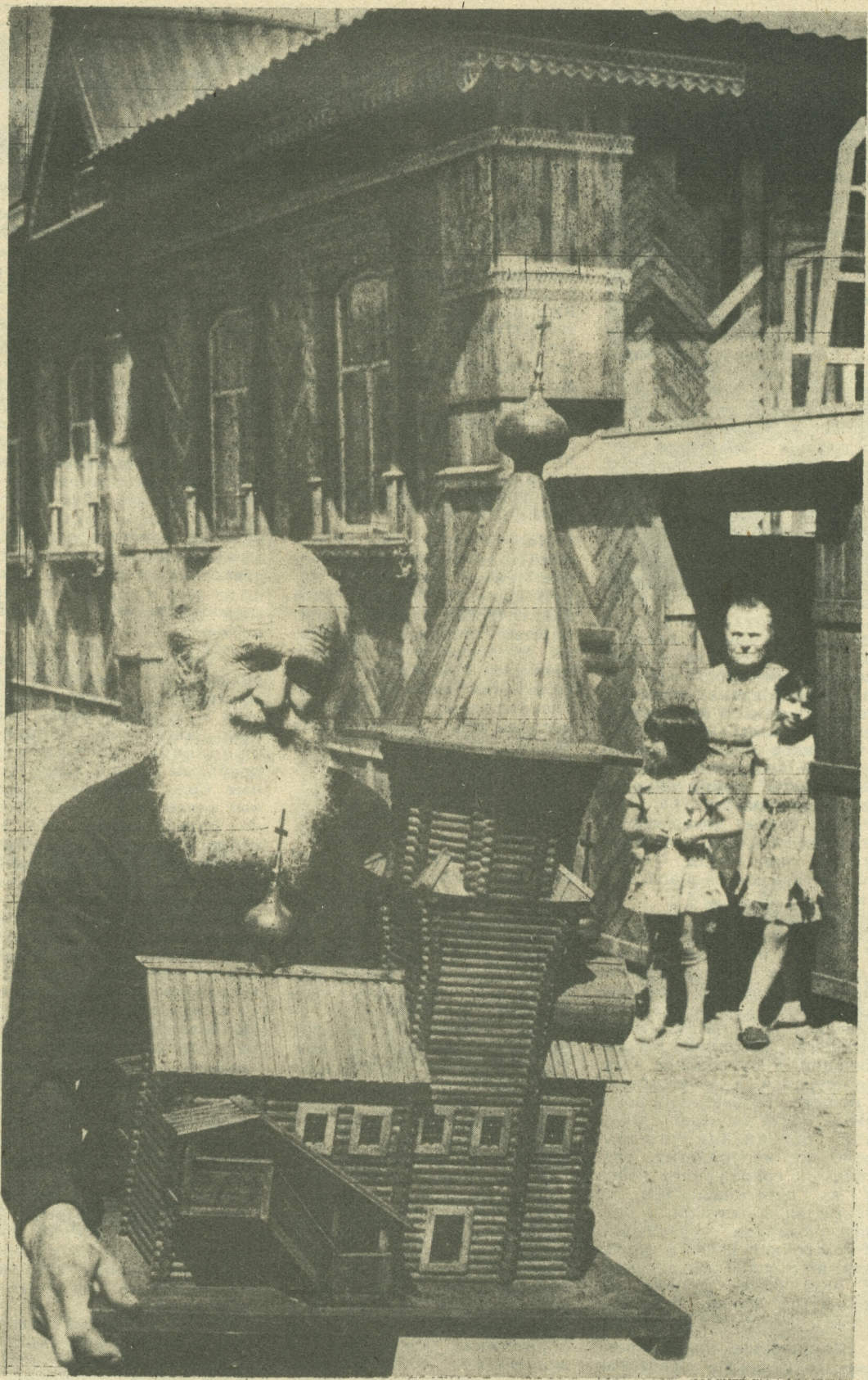
Есть в мастерской уголок и у Ии Ивановны, в прошлом швеи. Здесь она шьет, вышивает: когда-то супруги перенесли инфаркты, и сейчас любимая работа их в какой-то степени спасает, благотворно действует на здоровье. Радуют мастер и мастерица своими удивительными подарками близких: («Эта вот чеканка у Люси, а эта — у Темушки... Насчет внуков мы с бабушкой счастливые. Дети у нас хорошие»).

У Вениамина Ивановича и Ии Ивановны двое детей, пятеро внуков. Семья младшего сына живет с ними.

Вениамин Иванович вспоминает о том, как они познакомились и поженились сразу после войны: «Я к ним вот в этот самый дом пришел. Однажды нашел в нем огрызки карандашей — настоящее богатство. И роли наши распределились так: она по вечерам на танцы бежит, а я с этими огрызками колдую — картины пишу».

Работает Вениамин Иванович по вдохновению: «Как только оно на меня найдет...» «Находит» вдохновение на мастера часто. Порой не отпуская его и по ночам: до поздней ночи корпит над своим металлом.

Так было с ним, когда он украшал свой дом тон-

чайшей узорной резьбой по металлу. «Ежели надо составить рисунок — ночь самое лучшее время».

— И пилите металл ночью? — спрашиваю у него.

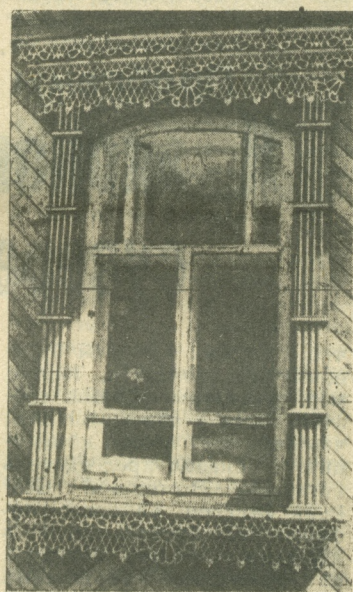
— Да кто же пилит ночью! — сделал Вениамин Иванович невинное лицо.

— Как кто? А не ты ли? — укоризненно кивает головой Ия Ивановна.

Вообще-то она гордится творчеством мужа. И ко всем его причудам относится как-то светло, добродушно. И вот эта мягкая приветливость по отношению к увлечению Вениамина Ивановича придает ему, по-моему, еще большее вдохновение.

Ия Ивановна вышла на минуту и принесла откуда-то из кладовой огромную металлическую ветку яблони, которой он украшал на первомайской демонстрации свой автомобиль, кстати, сделанный тоже собственными руками. Автомобиль — это особый разговор и особая страница в творчестве Вениамина Ивановича Кишко. В машине заводское — только мотор да некоторые детали, остальное все он делал сам. Кабина — из металлических листов, сверху покрывал цветным пластиком. «Симпатичная машинка получилась!».

Только вот поначалу много было недоразумений с ГАИ.

(«Тогда сильно презрительно к нам, самодельщикам, относились. Сейчас нам полегче стало. Вы смотрите программу «Это вы можете?»»).

Сегодня вместе с сыном Константином, водителем Байдаевской автобазы, они переделывают этот автомобиль под японскую «Тойоту» («А почему бы и нет?»).

Вениамин Иванович от жизни решил не отставать. Читает множество книг, выписал журнал «Декоративное искусство». («Там, правда,

одна абстракция, а я — реалист. Но читать интересно»).

Однажды в одной из книг он увидел «интересную церквушку». Успенский собор. И так он ему понравился, что, не откладывая дела в долгий ящик, он тут же принялся за его сооружение... из березовых палочек в масштабе 1 к 25. Три года над ним сидел, и сегодня этот храм стоит в доме на видном месте, удивляя гостей.

Основные ценители творчества Вениамина Ивановича — прохожие: много мимо люда спешит на электричку. Отношение зрителей различное. Есть и вопросы с ехидней. «Откуда дощечки? Не поверите, дом, извините, с помойки собрал. Материал мне поставляют различные выброшенные ящики, ненужная гара. Там интересное дерево попадает. Даже красное дерево находил. — И Вениамин Иванович демонстрирует необычного розоватого цвета дощечки. — Угадывайте, что за дерево? Груша! Пойдет для отделки».

И металлических отходов, считает Вениамин Иванович, на его век хватит. Только бы не покидало его вдохновение!

Т. ШИПИЛОВА.

На снимке В. Волченкова: В. И. и И. И. КИШКО у ворот своего дома.